

ОСНОВНОЕ И ВТОРОСТЕПЕННОЕ ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ ОТНОШЕНИЯМИ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В РУССКОМ И ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Аннотация. Сопоставительное и типологическое изучение категории таксиса, признаваемой лингвистической универсалией, показало наличие в лезгинском языке таксисных отношений иной конфигурации, нежели русская. Межязыковое исследование проявлений этих отношений и позволило эксплицировать в лезгинском языке в рамках настоящей статьи основное и второстепенное действия, связанные отношениями характеризации.

Ключевые слова: основное и второстепенное действия, отношения характеризации, таксисные отношения, морфологическая единица, форма глагола.

При общей характеристике таксисных отношений, соотносимых во времени разным “глагольным действиям” (как языковым значениям) могут соответствовать не разные реальные действия, а разные аспекты одного и того же внеязыкового “динамического референта”. Высказывание типа *Сидя часами за компьютером, ты портишь себе зрение* содержит полипредикативный комплекс, в котором соотнесены основное (*портишь*) и второстепенное (*сидя*) действия как языковые значения. Таксис охватывает и такие случаи, хотя в реальности этому высказыванию соответствует только одно действие субъекта (*сидя часами за компьютером*), а основное сказуемое (*портишь себе зрение*) выражает оценку этого действия говорящим. Такие отношения между предикатами, находящимися в таксисных отношениях, определяются как отношения характеризации [Бондарко 2001: 235-236].

В некоторых работах [Акимова, Козинцева 1987: 263-267] выделяются две разновидности отношений характеризации: *а)* основное и второстепенное действия относятся к одному и тому же семантическому плану высказывания - констатирующему (*Он рассказывал, часто замолкая*), *б)* основное и второстепенное действия относятся к разным семантическим планам - констатирующему и интерпретативно-оценочному (*Он ошибся, избрав профессию учителя*). В первом случае второстепенное действие уточняет характер протекания основного действия или

конкретизирует его. Поэтому эту разновидность авторы называют *отношениями конкретизации*. Во втором - одно из действий служит для оценки, интерпретации другого с позиции говорящего. Эта разновидность определяется как *интерпретативно-оценочные отношения*. Приведём примеры тех и других и их соответствия в дагестанских языках.

1. Отношения конкретизации

Вариант, когда второстепенное действие, выраженное в русском языке деепричастием НСВ, представляет собой способ времяпревождения субъекта и совпадает во времени с основным на всём его протяжении:

Ночи три я провозился, играя с первой картинкой, и к концу этой ночи я понял, что сочиняю пьесу (М. Булгаков).

Лезгинские соответствия:

(1) Уъмуър (1)кеф чуваз (2) акъудна ‘Жизнь в праздности (2) провёл’; (2) Жегъил иисар (1) кIелунар ииз (2)акъатна ‘Молодые годы в учёбе (2) прошли’; (3) Машинал (1) гъавалат хъана са варз (2) фена ‘Машиной (1) занимаясь, целый месяц (2) потратил’; (4) Дяведин иисар дагълара (1) кIеви хъана (2) акъудна ‘Годы войны, в горах (1)прячась, (2) провёл’.

В примерах 1 и 4 таксисными отношениями связаны разносубъектные действия, в примерах 2 и 3 - односубъектные. В 1 и 2 примерах второстепенное действие, представляющее собой способ времяпревождения, выражено деепричастием НСВ, как и в русском языке, а в 3 и 4 примерах - формами СВ в перфектном значении. Для русского языка в этой функции характерен НСВ.

2. Интерпретативно-оценочные отношения

Для конструкций этого типа важным является различие констатирующего и оценочного планов высказывания. К оценочному плану может относиться или основное, или второстепенное действие. Зависит это от наличия оценочного элемента в лексическом значении глагола и его окружения (*быть правым/неправым, совершив ошибку, поступить правильно/неправильно* и др.), от наличия в высказывании слов, указывающих устанавливаемые говорящим отношения (*напоминать (кого, что-л.), знаменовать собой*

* © Ханбалаева С.Н.

и др.), или сравнительных частиц типа *словно*, *будто*, *точно* и т.п.

Собственно оценочное отношение между основным и второстепенным действиями: *Я был неправ, рассказав ей об этом*, - оценка передаётся личной формой (*был неправ*), действие констатирующего плана деепричастием (*рассказав*). Деепричастие СВ здесь не выражает предшествования в хронологическом смысле. Передаваемое им действие (*рассказав*) первично по отношению к оценке (*был неправ*); временные отношения сводятся к совмещённости в одном и том же периоде времени. Например:

И поэтому Марья Александровна превосходно поступила, сослав Афанасия Матвеича в подгородную деревню (Ф. Достоевский).

(5) *Завай са (1) хата хъана, вун (2) яр къуна* (Е.Э.) ‘Я (1) ошибку совершил, в тебя (2) влюбившись’; (6) *Вун анай (1) хтун (2) еке кар я* (С.) Твоё (1) возвращение оттуда - большая (2) удача’.

В обоих примерах оценочным является основной предикат (1) *хата хъана*, (2) *еке кар я*, констатирующим - второстепенный (2) *яр къуна*, (1) *хтун*. В примере (6) зависимый предикат выражен именной формой глагола - масдаром *хтун* ‘возвращение’. Форма масдара в лезгинском языке нейтральна в отношении не только времени, но и вида. Такая нехарактеризованность видо-временных характеристик зависимого предиката возможна потому, что нет предшествования/следования в хронологическом смысле. Хотя логически действие констатирующего предиката первично по отношению к его оценке. В обоих приведенных примерах действие констатирующего плана обозначено, как и в русском языке, второстепенными предикатами (*яр къуна* ‘суженную выбрав’ - в 5 примере, *хтун* ‘возвращение’ - в 6).

В русском языке при *интерпретативных отношениях* личной формой в позиции основного сказуемого передаётся действие констатирующего плана, а интерпретирующее действие представлено как второстепенное. В лезгинском языке в этом отношении речь может идти о финитных и нефинитных формах, поскольку личного спряжения здесь нет.

Она постоянно ворчала и курила трубку, напоминая старого солдата (В. Каверин).

Деепричастие *напоминая* сообщает о том, как интерпретирует говорящий сказуемое *ворчала и кричала*. Ср. аналогичные лезгинские примеры:

(7) *Эмина, Саидалай (1) тафаватлу яз, вич дертэгъли хъайлани, цавариз, үлайланриз*

(2) *эверзавач* (А.А.) ‘Эмин, (1) в отличие от Саида, даже когда его охватило горе, (2) не взвывает к небесам’ (8) *Күн къедни чи къвализ хъша, - (1) лагъана, (2) теклифна* Алиди (А.И.) ‘Вы оба к нам приходите, - (1) сказав, (2) пригласил Али’.

В примере (7) зависимый конверб (1) *тафаватлу яз* ‘отличаясь’ является интерпретацией автором высказывания действия (2) *эверзавач* ‘не взвывает’. Интерпретирующим является зависимое действие. В примере (8) действие зависимого предиката (1) *лагъана* ‘сказав/сказал’ является констатирующим, а действие сказуемого (2) *теклифна* ‘пригласил’ - его интерпретацией.

При *квалификативно-модальном* отношении второстепенного действия к основному в русском языке деепричастный оборот связывается с основным сказуемым посредством сравнительных частиц. Уподобляя основное действие второстепенному, говорящий выражает сомнение в реальности второстепенного действия, тем самым, относя его к иному модальному плану, нежели основное действие. Одновременно он даёт определённую характеристику основного действия, квалифицирует его. Например:

В течение обеда Лежнев и Рудин, как бы сговорившись, всё толковали о студенческом своём времени (И. Тургенев).

В лезгинском языке средством выражения таких отношений служат конструкции со сравнительной частицей *хъиз* ‘будто, словно, как’. Близкое значение передаёт также конверб с аффиксом *-вал*:

(9) *Вуна (1) ат1узвой хъиз (2) ат1узва зани* (С.) ‘Я (2) тоже режу, (1) как режешь ты’.

Зависимый конверб с аффиксом *-вал* представляет обозначаемое действие как образец для действия сказуемого. Конструкции с частицей *хъиз* имеют модальный оттенок предположительности такого сходства, неуверенности в нём. Различие аналогично соотношению между словами *как* и *словно, будто*. При этом следует отметить, что конверб с аффиксом *-вал* выражает и другие значения, например, целевое:

(10) *Адаз, нубатсуз лагълагъ ийизвайбурун сивер (1) акъал жедайвал, нафт (2) акъатна кланзавай* (З.Э.) ‘Он хотел (2) появления нефти, (1) чтобы закрылись рты напрасно болтающих людей’.

Это значение нужно рассматривать среди значений обусловленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акимова, Т.Г., Козинцева, Н.А. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций)/ Т.Г. Акимова, Н.А. Козинцева// ТФГ 1987. – Л., 1987.

- 440 с.
2. Бондарко, А.В. Принципы функционирования грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М., 2001. – 308 с.

S. Khanbalaeva

MAIN AND SUBORDINATE ACTIONS
CONNECTED WITH CHARACTERIZATION
RELATIONS IN THE RUSSIAN AND LEZGIN
LANGUAGES

УДК 809.24/29.00/36:808.2

Ханбалаева С.Н.

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Аннотация. Предлагаемый в статье анализ лезгинских таксисных конвербов демонстрирует структурное и семантическое единство морфологических средств выражения таксисных отношений. Такая целостность категории таксиса в лезгинском языке даёт основание иначе взглянуть на систему придаточных предложений русского языка.

Ключевые слова: таксисные конвербы, основное и второстепенное действия, таксисные отношения, морфологическая единица, форма глагола.

Вывод отношений обусловленности за пределы семантической сферы таксиса – так называемая *узкая, семантическая* трактовка его содержания – должен предполагать отсутствие базового семантического признака, который бы объединял эти отношения с отношениями временной координации основного и зависимого предикатов. Включение же отношений обусловленности в сферу таксиса предполагает наличие в их содержании семантического признака, общего для них с отношениями одновременности, предшествования, следования. Этот признак должен быть более абстрактным, родовым по отношению к признакам обусловленности и временной координации предикатов как видовым. Отсутствие такого признака даёт основание считать объединение обсуждаемых отношений *асемантической* трактовкой и придерживаться узкой трактовки содержания таксиса, как предлагает В.С. Храповский [2003: 37]. Материал языков, где таксис выражается морфологическими средствами, даёт основание говорить о структурно-семантическом

единстве обсуждаемых грамматических отношений. К таким языкам относятся все дагестанские и, в том числе, лезгинский язык. Попытаемся аргументировать этот тезис его данными с опорой на описание аспектуально-таксисных отношений в работе Т.Г. Акимовой и Н.А. Козинцевой [Акимова, Козинцева 2001: 257–294].

Отношения одновременности. Процесс или целостный факт совершается во время протекания зависимого процесса. Например: – *Куда идём?* – *спросил Долинин, усаживаясь в машину* (Г. Глазов). Примеры из лезгинского языка:

(1) (1) *Ахварал физвайла, за пака авуна кланзавай къвалахрикай* (2) *фикирзавай* (У.) ‘(1) **Когда засыпал** (засыпая), я (2) **думал** о делах, которые надо сделать завтра’; (2) Зун (1) *ахварал физвайла, абур гъеле телевизордиз* (2) *килигзамай* (У.) ‘Я (1) **засыпал когда** (засыпая), они ещё (2) **смотрели** телевизор’. В примере (1) представлен односубъектный таксис, поэтому его можно перевести русским деепричастием. В примере (2) разносубъектный таксис, использование деепричастия для его перевода невозможно, поскольку русское деепричастие всегда референтно тому же субъекту, что и основной предикат.

Если в роли зависимого предиката в таких конструкциях используется нехарактеризованная видовым значением форма конверба, то она обозначает не процесс, а факт одновременный сказуемому.

Отношения разновременности. Основное действие осуществляется после второстепенного. Например: *Оставшись одна, она с трудом дотащилась до своей кровати* (И. Тургенев). Ср. лезгинские:

(3) *Джигыил вахтар Москвайра* (1) *акъуд-*

* © Ханбалаева С.Н.